ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ.

МОСКВА. АПРЕЛЬ 1926 г.

№ 15 (175)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 12 коп.

КРОКОДИЛ

ЛЕСНОЙ ГРОМИЛА.

До сих пор наблюдается хищническая порубка лесов местного значения. Следствием этого являются засухи, обмеление рек и обвалы.

Рис. Ив. Малютина.

Что, дремучий лес, призадумался,
Грустью темною затуманился?

Рис. Ю. Ганфа.

ПОДХАЛИМСКАЯ РАДИОПЕРЕДАЧА.

Взял...

Несет...

Донес...

БЕЗ БЮРОКРАТИЗМА.

(К сожалению, истинное происшествие).

— Возмутительный бюрократизм и отчаянная волокита: для того, чтобы получить то, что мне причитается, я должен был две недели убить! И что возмутительнее всего, — уже готовы все справки, все выписки и подписи, и что же? Оказывается, надо ехать куда-то, к чортовой матери, в другой конец города, потому что там сидят самые воротилы, без разрешения которых выдать мне ничего не могут, не смотря на все справки и выправки. Неужели нельзя без этого?

Я бы, конечно, не обратил никакого внимания на этот вопль наболевшей души, — дело привычное, — но меня заинтересовал мой сосед крестьянин. Он с самого начала этого выступления (не в прениях, а просто в вагоне) с диким вниманием вслушивался в жалобу на бюрократизм и после несуразного вопроса о «неужели» робко спросил:

— А дозвольте, товарищ, спросить: это все бюрократизьм?

— Я думаю, что могу назвать это именно бюрократизмом! И притом самым настоящим. Две недели...

Крестьянин вдруг задал самый нелепый вопрос:

— Где бы, товарищ, похлопотать, чтобы его к нам назначили? Хучь в уезд, хучь в губернию? Уж в волости-то как-нибудь обойдемся... А то совсем пропадать приходится.

Остекленение лица моего не поддается описанию:

— То-есть позвольте? О бюрократизме заскучали? Где же это вы живете?

Ожидал я получить адрес куда-нибудь на Марс или на иную планету, но услышал совершенно неожиданное сообщение:

— Владимирские мы! Владимирской губернии, Переславльского уезда, Нагорьевской волости. Сумежные деревни там—Иваново и Степанцево. Как есть—владимирские...

— А не с луны свалились?

— Не. Зачем с луны? Под боком у Москвы живем. А дело наше такое... Как тут товарищ говорит, что через бюрократизьму в две недели дельце обладил, то и нам бы... Кажному, небось, лестно!...

Вежливо сплюнув и видя наш неподдельный интерес, он продолжал:

— Погорели мы. Восемь дворов погорело в Иванове и Степанцеве, как деревни-то сумежные. Погорели о прошлом годе, в Петров пост еще. Туды, сюды, вон куды—подались в Нагорьевский комитет взаимопомощи насчет лесу для постройки. Комитет что-ж, почему не дать лесу? А как сам не может, то написал в уезд, в Переславль, значит, Залесский. Конечное дело, бюрократизьмы у нас нет, так что в декабре вышло из уезда разрешение. Мы, значит, приготовили, напилили да с лошаденками и под'ехали. А нам — накось, выкуси!—с губернии разрешения нет вывозить. Мы туды, мы сюды, — нет разрешения с губернии!

— Дда. Мы ходока в уезд. 45 верст пехом живой рукой отмахал. А только там сказали — ждите. Бревна в лесу, строиться нельзя. Одначе ждать-то некуда, не в силах уж. Отступились мы от комитета взаимопомощи, и еще раз в уезд в сполком. Там нам бумагу шештого марта выписали на лесничего, чтобы отдал лес напиленный. А лесничий наш,—может, слышали?—Смирнов товарищ? Так он безо всякой бюрократизьмы говорит:

— «Покеда из ГЛО не будет бумаги, нет вам лесу».

— Что тут будешь-станешь делать? Собрали мы двенадцать целковых и срядили Королева во Владимир. На билеты ему вышло 10 р. 54 к., да прохарчился, потому до Берендеева 65 верст пехом, да по поезду более трехсот верст. Разыскал ГЛУ эту самую, выправил бумажку, привез аккурат на Евдокию-обмочи-порог. А с бюрократизьмой-то, глядишь, за две недели обделали бы... Я про то и спрашиваю,— нельзя ли ее к нам, — хучь в уезд, хучь в губернию...

Рассказчик вопросительно смотрел на нас. Я занялся легким подсчетом. Оказалось, что «без бюрократизьмы», как он говорил, для получения результатов пришлось пройти пешком 310 верст, проехать 620 и затратить не две недели, а ровно полгода, — с Петрова поста по Евдокию-обмочи-порог...

Вл. Павлов.

Рис. К. Е.

— Эти калошки, гражданин, из-за границы прибыли.

— А почему же на них русская марка?

— А они русские и есть. Их нам обратно за ненадобностью прислали.

В КОРЕНЬ И ПОД.

Казенщина не цветок, а цветет и даже очень пышно.

**

Возвышенные чувства развиваются с возвышением в должности.

**

Большая самостоятельность бывает при большой протекции.

**

Врид вридит временно, а зав завсегда.

**

Чиновник по идеологической части—сугуб.

**

Природа устроила так, что никакая собака не получит куска сахара, если не будет служить на задних лапах.

**

Об освободившейся вакансии мечтай только тогда, когда у начальства исчерпался запас своих людей, а он неисчерпаем.

**

Тела от теплоты расширяются; поэтому на теплых местах сидят люди полные.

**

Все мы отлично можем постоять за себя— у входа в кабинет начальника. *Б. Сам.*

ПРОГУЛЬЩИКИ.

Чтобы не иметь перебоев в работе от прогулов, заводы принуждены иметь кадр запасных рабочих.

(Из писем рабкоров).

Нил Зотыч Микулов,
Рабочий с завода,
Был лют до прогулов
Различного рода.
Справлял по старинке:
Крестины, поминки,
Престолы... Успенья...
Похмелья... Говенья...
По новому быту:
Коммуны защиту,
Конец Николая,
День Мопра, день мая...
Зарплаты прибытье...
Пивнушки открытье..

Работать за Нила
В прогульную пору
Назначено было
Каблову Егору.
А тот, как Микулов,
Был лют до прогулов.
Чтил свято: Успенья...
Похмелья... Крещенья...
Коммуну в Париже...
Пивнушку поближе....

На место Егора
За время прогулов
Назначен был скоро
Ерема Федулов..

Трясусь я со страха:
Есть слух, и Федулов
Не хочет дать маха
По части прогулов.

М. Андр.

ПО ДЕШЕВКЕ.

(Жуткий факт).

Учитель Голубев сидел у окна оплеухинской школы и отдыхал. Перед сном он загасил лампу, открыл окно и собрался стелить постель.

— Подь сюда, здесь тихо, мы тут все дело мигом обговорим, — услышал он за окном завывающий тенорок.

И две фигуры прошли мимо окна к заваллинке. Через минуту потянуло острым махорочным дымком. Тенорок прокашлялся и сплюнул:

— Ну, покупай, что ли!

В ответ заскрипел бас:

— Что-ж и куплю — за четыре бутылки.

Пронзительный голос так и взвился:

— Четыре бутылки! Да побойся ты бога! Креста на тебе нет! Глаза-то у тебя есть или нет? За этакую ядреную — четыре бутылки! Экий ты скаредный! Ну, прибавь еще хоть одну, небось, не обедняешь! Денег-то у тебя, чай, куры не клюют!

— А ты считал? Нет, уж цена поставлена и будя. Не прибавлю.

Слышно было, как мужик завозился.

— Эх, Сидорыч, грешно тебе: больно плохо даешь. Неужто моя Катька четырех бутылок не стоит? А? Рази плоха?

— Не.. она ничего. Горласта вот только.

Учитель насторожился:

— Вот черти! Это ведь Самохин с Петровичем. Неужто лошадь за водку продают?

А за окном продолжали:

— ...Прямо первеющая. Ты не сумлевайся насчет стати — все есть, что в их сословии полагается. А на твоих хлебах еще нагуляет.

И опять захрипело в ответ:

— Это ладно. А только годов-то ей не мало. Кабы помоложе — и разговор бы другой.

— Помоложе?... Молодые-то, они норовистые. Молодую-то, ее нешто в упряжку возьмешь? Она те горло перекусит. С годами-то оно в нашем мужицком деле и впрямь лучше.

— Это ты правильно. Товар у тебя—ничего. А только цена — не по товару.

— Эх, Сидорыч! Нешто это цена при твоей силе? Это тебе—тьфу! Ты меня пожалей: ведь до нового-то урожая еще эвона сколько терпеть! А ты только четыре бутылки даешь. Как хошь, либо давай на круг четверть, либо я пойду! Жадный ты, пес с тобой!

В кустах что-то зашумело и захрустело. Все покрыл уверенный шопот:

— Эй, эй, куда ты? П-ай-кось суды — прибавлю. Что раскипелся-то, словно самовар. Ты скажи только мне: в работе как она? Ничего?

— Сам, небось, знаешь—работает не плоше машины. Ну, бери скорей. А то кто другой приторгуется — дороже возьму. Верь совести, только нужда заставляет: жгет у меня в утробе. А то нешто бы я отдал? Со слезами ведь отдаю.

— Ну, была не была. По рукам, что-ли! — сдался хриплый бас. — Только ты мне записку отступную напиши,—чтоб все было по форме. В совете заверим. Только за заверку бутылку еще придется дать, так эту чур пополам.

— Чорт вас побери!—не выдержал учитель, высовываясь из окна.—Ты что же это, Самохин, мироедствуешь? У бедного человека по слабости хочешь лошадь купить? В рабочее время за водку! Да и ты тоже хорош, пьяница несчастный. Дома, небось, хлеба нет, а он...

В ответ оба мужика залились вдруг смехом:

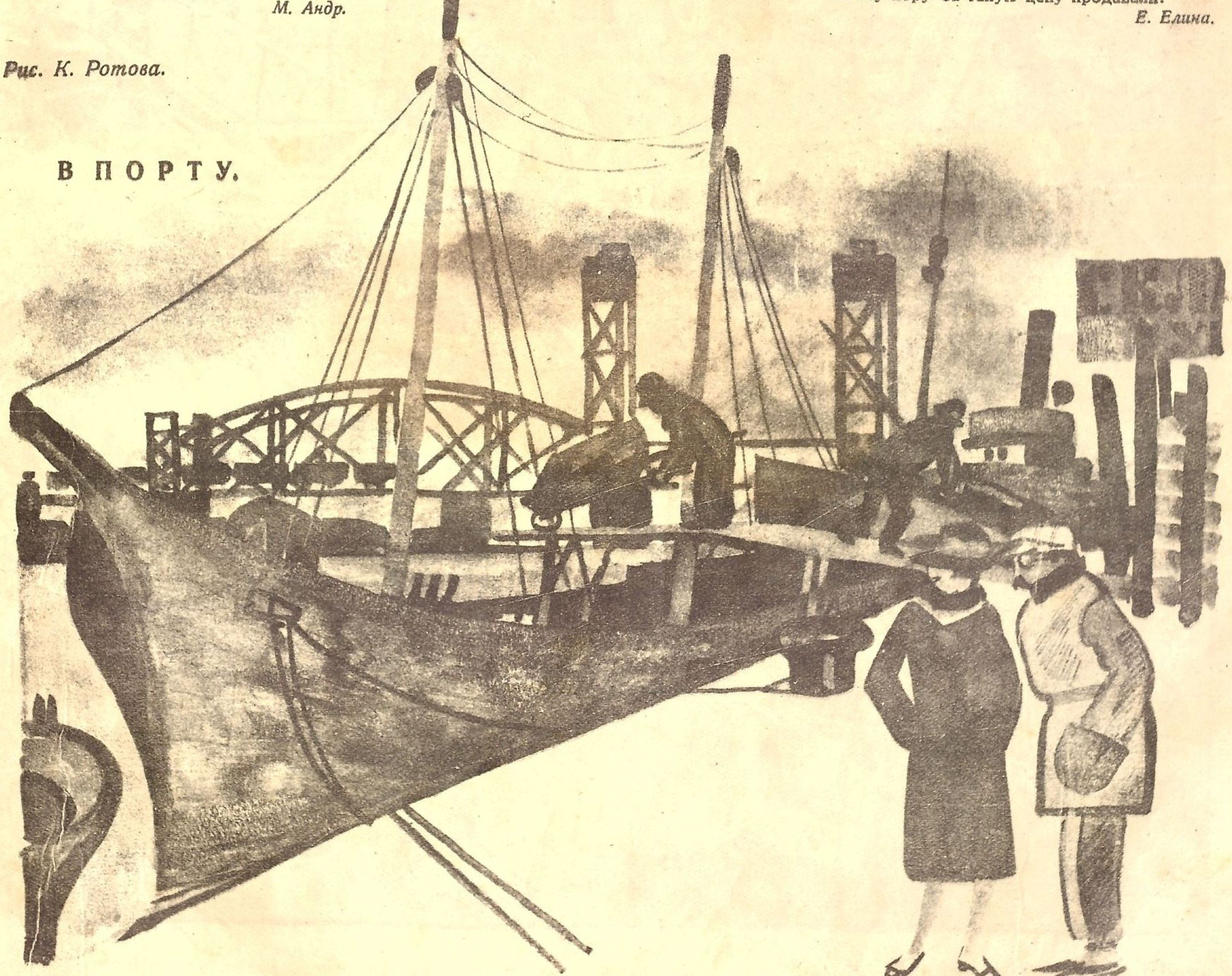
— Да вы еще и ржете, скоты вы этакие! Зубы скалите!

— Да как же не скалить-то? — захлебнулся Самохин,—люди бабу друг другу продают, а он «лошадь». Да где же это видано, чтобы лошадь об эту пору за такую цену продавали!

Е. Елина.

Рис. К. Ротова.

В ПОРТУ.

— Ввозят из-за границы машины и еще чепуху разную, а о пудре, духах и губной помаде забыли Не понимаю, Жоржик, о чем только думает наше правительство!..

Рис. Ю. Ганфа.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ.

— Что это за движение?
— А это к нам новое начальство назначили.

ПРОПАГАНДА В ГУЩЕ.

В сельских местностях Владимирского уезда за неделю произошло 4 особенно крупных кулачных боя. В каждой драке участвовало свыше 500 человек. Убийств не было, но увечий много, и места побоищ залиты кровью. К месту боев собираются тысячи зрителей, многие из отдаленных мест.

На громадном голом поле, в трех верстах от города, возле наспех сколоченных ларьков и киосков суетились вспотевшие политпросветчики.

Зав. политпросветом в высоких охотничьих сапогах, наполовину поглотивших его тщедушную фигурку, волчком вертелся среди киосков, хриплым от усталости голосом отдавая последние приказания:

— Чорт знает, что такое! Через час должно начаться, а у вас еще ничего не готово! Марья Семеновна! Где ваша передвижка? Давайте сюда передвижку! Где у нас брошюры по физкультуре и спорту? Их надо выложить в отдельный киоск на самом видном месте! Вот сюда! Здесь будет самый центр движения.

Угрюмый инструктор, в разбитых очках и с подвязанным флюсом, мрачно клеил на киоски плакаты:

— «Нам нужен хороший стрелок», «Утепляйте к зиме хлев» и «Рукопожатия разносят заразу».

Завполитпросвет коршуном налетел на него, путаясь в огромных своих сапогах:

— Что ж вы делаете, товарищ Пискунов! Этак вы до завтра не кончите! Больше энергии! Сегодня мы должны дать генеральный бой невежеству и темноте!

Пискунов лениво обернулся:

— Сомневаюсь я, товарищ Куликов...

— В чем вы сомневаетесь?

— А вот делаем мы все, делаем... Устраиваем, устраиваем—а может это все впустую?

— То есть... как впустую? Почему впустую?

— А вдруг они совсем в другом месте нынче соберутся?

Завполитпросвет даже покраснел от негодования:

— Не говорите глупостей, товарищ Пискунов! Больше им собраться негде! Они уже четвертое воскресенье здесь собираются. Вот видите, — уже парад идет! Занимайтесь делом! Где у вас плакат: «Долой пережиток...»?.

— Не знаю, товарищ Куликов... Я сам его ищу... Должно быть, вон в той пачке.

— Так чего же вы его не достанете? Вы—что? Вы нарочно хотите сорвать сегодняшнюю огромную работу? Да?

— Ничего я не хочу сорвать..

— Ну, тогда живо доставайте плакат — и клейте его где только можно. Да скорей! А то и так опаздываем.

И завполитпросвет побежал дальше, а инструктор угрюмо стал лепить на фанеру ларьков и киосков:

— «Долой пережиток варварства—кулачные бои!».

Возле киоска с вывеской: «Гигиена—залог здоровья трудящихся» высокий бородач спорил с маленькой курносой девицей. У девицы на глазах были слезы:

— Не хочу, не хочу я! Тут нужно будет об'яснять про сифилис — правду жизни. И вокруг все будут мужчины. Это ваше дело, Кузьма Петрович! Я буду продавать значки Авиахима,—и больше ничего.

— Но ведь вы же работали по санпросвету, а я ни в зуб толкнуть.

— Все равно! Пускай товарищ Куликов меня увольняет—я в этом киоске сидеть не буду.

Бородач сплюнул.

— Как хотите! Мне все равно! Пусть киоск будет пустой!

★

Завполитпросвет Куликов радостно потирал руки:

— Видите? Народу-то сколько! Не меньше четырех тысяч! Видите? И наши киоски привлекают всеобщее внимание. Это, так сказать, пропаганда в самой гуще! Это—живая работа!

Народная толпа разлилась по полю черной лавиной. Гул и рев стояли над полем невообразимые.

— Пора начинать! Какого чорта ждут? — раздавались голоса...

Постепенно гул стал стихать. Черное кольцо зрителей раздвинулось. В средине поля остались только две группы бойцов, ставших друг против друга, и двенадцать киосков политпросвета, сиротливо затерявшихся в людской гуще.

— Дай бою! Дай бою!—заорали передние с обеих сторон, и зачинщики мальчишки уже готовы были кинуться друг на друга.

Тут, выбежав со стулом на средину поля, завполитпросвет Куликов замахал руками:

— Граждане! Одну минуточку внимания! Что вы собираетесь делать? Вы собираетесь начать кулачный бой! Вы собираетесь в свободной советской стране воскресить остатки варварства, уподобляясь в своей некультурности самым отсталым и угнетенным народам. Когда в XII веке наши предки на этом же самом поле.

— Дай бою!—грозно пронеслось вдруг над полем.

Завполитпросвет с'ежился:

— Товарищи! Физкультура—вещь хорошая и нужная. Нам нужен хороший стрелок, нам нужно сильное молодое поколение...

— Ребята, крой! Дай бою!

Позорно оставив стул, товарищ Куликов едва успел проскочить между двумя шеренгами озверелых бойцов. На его место вскочил предводитель боя:

— Ребята! Эти шесть домиков—ваши! А энти—наши! Кто—кого!

Замелькали кулаки. Затрещали челюсти и скулы. И вместе с ними затрещали политпросветские киоски.

Угрюмый инструктор в разбитых очках, будучи свален вместе с киоском вдруг словно проснулся и, забыв про флюс, ринулся зверем в гущу дерущихся.

Передвижница Марья Семеновна зубами впилась в руку какого-то парня, поощряемая громкими криками:

— Так, тетка! Поддерживай наших! Не сдавайся!

А высокий бородач со значками Доброхима, втянутый в общую свалку, не заметил как под его кулаком кто-то печально охнул и высокие охотничьи сапоги мелькнули в воздухе.

Политпросвет в первый раз за все время своего существования вел живую работу в самой гуще народа

Вас. Лебедев-Кумач.

НЕУДАЧНЫЙ СОВЕТ.

Некий грешный человек, запутавшись в делах семейных, отправился за советом к старцу Вострохаилу Старец, приняв приношение, выслушал посетителя и на его просьбу— указать, как же надо жить — изрек:

— Чадо! Открой свое сердце перед всевышним и, не мудрствуя лукаво, живи с верой, надеждой и любовью.

Совет сей весьма грешника рассердил:

— Безумный старик! — вскричал он. — Может быть, для ровного счета ты посоветуешь, кроме Веры, Надежды и Любви, жить еще и с их матерью — Софьей... А кто за меня платить алименты будет?

И, взяв приношение, удалился во гневе.

Раймонд Портяннин.

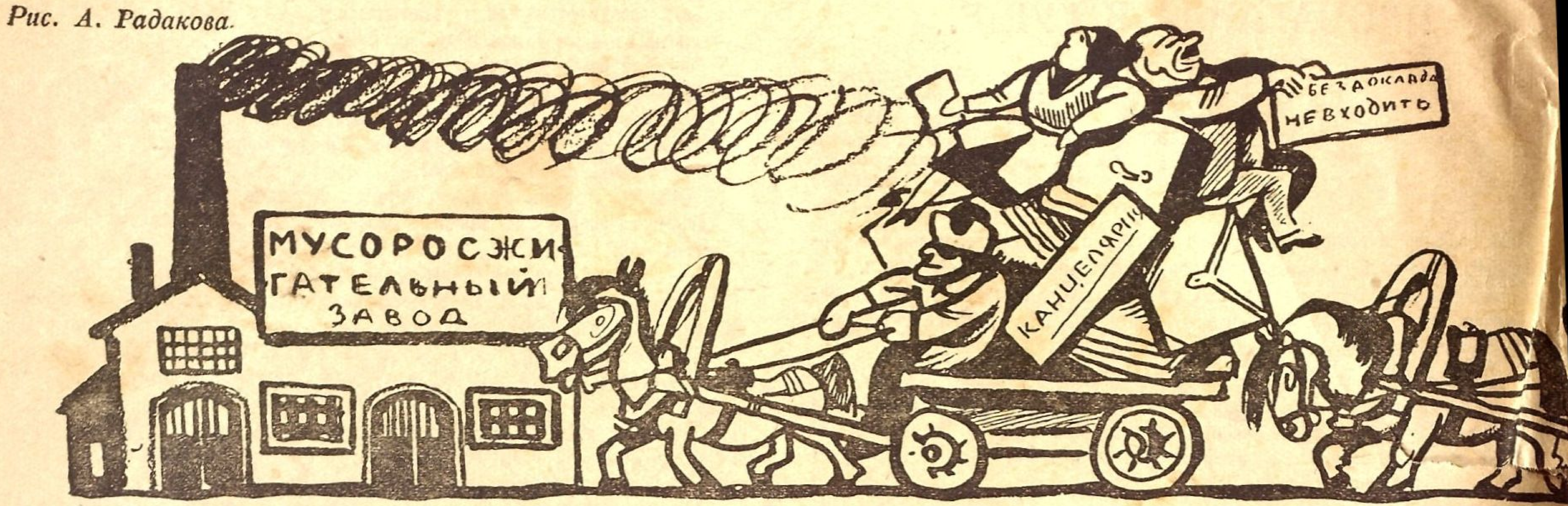
ПИОНЕРСКОЕ ЗАТРУДНЕНИЕ.

Рис. М. Храпковского.

— Папа, что я делал до 1917 года? Мне вот тут анкету заполнить нужно.

Рис. А. Радакова.

ВОТ ПРЕДПРИЯТИЕ, КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ТЕРПЕТЬ НЕДОСТАТКА

ВИЛЫ В БОК

ЗВЕЗДА НА ВОСТОКЕ.

Известно, что когда звезда загорелась на востоке, то волхвы отправились за ней в далекое путешествие и что-то очень долго бродили, пока звезда их не привела в ясли. Эту наклонность восточных звезд унаследовала полностью «Звезда Алтая». Вот что пишут про нее современные волхвы:

> Мы, сотрудники Сибкрайиздата, выписали «Звезду Алтая»; внесли деньги, а газету нам не присылают. Факт налицо.

Нет газеты, то хоть факт налицо. По нынешним временам и это чего-нибудь да стоит. А что касается «Звезды», то за ней, вероятно, придется попутешествовать не мало. Бедные подписчики, можно сказать, не под счастливой звездой родились.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В НИКОЛАЕВЕ.

В газете «Красный Николаев» мы нашли такое об'явление:

> КЛУБ СВЕРДЛОВА.
> В воскресенье, 18 февраля,
> ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТ-ЛЕКЦИЯ,
> с отчислением в пользу беспризорных детей, устраивает Совет Уполномоченных Рождество-Богородичного собора.
> В программу войдут сольные и хоровые номера. Лекция прот. Смирнова на тему
> «ХРИСТОС».
> Подробности в программе.

На всякий случай раз'ясняем николаевцам, что совет Богородичного собора учреждение далеко не советское.

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ.

Все думали до сих пор, что Чебоксары городок тихий, смирный. А на самом деле в этом милом городке обитают люди неукротимого, буйного нрава. Вот, например, т. Антонов! Он бешено портит бумагу, выпуская по 500 печатных экземпляров стенной газеты «Красный Агитаватор». Всю газету он пишет сам, а пишет он только так:

> Загадка сложная в том «что-то»,
> Не уважешь ведь с тем это,
> Что Авиахим Московский
> Аэроплан задумал «Котовский».
> Да вместе с «Конвойником».
> Я писем центра не читал
> И не верить словам не мечтал,
> А берет все-ж удивленье,
> Коль слово с делом не в единеньи,
> Как в случае таком (Чебоксарском и Московском).

Тов. Семашко! Обратите же внимание! Где же ваша психиатрическая скорая помощь трудящимся?

НЕ ЛЮБИТ ЛЮБОПЫТНЫХ.

Все тайное становится явным:

> Директор-распорядитель Владгубтекстильтреста, Иваново-Вознесен. губернии, Андреев, отдал приказ без его личного разрешения никаких справок в особенности о движении денежных сумм, ни фабкому, ни частным лицам не выдавать. Фабком, однако, выяснил, что задолженность Андреева носит систематический характер с 1 марта 1925 года и выражается в среднем в 320—350 руб. в мес.

Нужно не только справок не давать, но и вообще прекратить это движение денежных сумм... в карман распорядительного директора.

НУЖНЫЙ СНИМОК.

Кое-где проявляют слишком большой интерес к специалистам:

> В ноябре 1925 года дирекции Пученской фабрики потребовалось снять фабрику. Приглашенному фотографу Цареградскому устроили отдельную комнату для проявления и печатания, предоставили койку в общежитии и работа закипела. Цареградский стал снимать кого не лень: дирекцию, группами, в одиночку, парами, с кошками, с ружьями Цареградский живет до сих пор при фабрике.

Фотограф-то снимал, а трест не догадался никого снять... с работы, — это очень жаль!

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ...

Учитель предполагает, а ОНО располагает:

> «Славгородское окроно пригласило из Томска учителей 2-й ступени на следующих условиях: 50 руб. жалованья и бесплатную квартиру. Когда учителя приехали, жалованья им положили 40 руб. и квартир не дали».

Ну, что-ж, предполагали дать и снизили, принимая во внимание, вероятно, пролетарское происхождение учителей.

СТРАННАЯ ЗАПИСКА.

Вниманию общества «Долой Неграмотность».

> «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА.
> В делопроизводство ф-ки «Школа».
> Хозчасть просит вас сообщить в управление зем. отдел в станцию защиты Грызунов. Относительно приезда на фабрику для морения, так что за последнее время не наблюдается в появлении таковых. Зав. хоз. частью **(Рощин)**».

Такими записками не то, что грызунов—«Крокодила» уморить можно.

РЕЖИМ ЭКОНОМИИ.

Пример экономии угрожающего размера:

> В виду систематической задержки зарплаты рабочие треста Волгоокалес просили правление об отпуске кредита. Зав. отделения разрешил открыть кредит... на 1 р. 66 к. в мес. на человека.

Расчетливый человек зав. отделения. Шутка ли — так снизить прожиточный минимум—до 5½ коп. в день!... Сам, небось, и вовсе копейки на две живет.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

Сообщает нам печатник Анжерско-Судженской типографии про такой факт:

> «9 марта с. г. вечером заболела моя дочь. До 16 марта я пытался вызвать из больницы врача, но безрезультатно. И вот сейчас пишу вам письмо, а медпомощи все нет и нет. Спрашивается: для чего существует такая больница с таким медперсоналом?».

Какой вы недогадливый! Во-первых, для того, чтоб пропечатали такую больницу вместе с медперсоналом в отделе «Вилы в бок». Во-вторых, чтобы медперсоналу после этого всыпали по всем, по трем: административной, профессиональной и судебной!

АКТИВИСТ.

Из Кинешмы, Иваново-Вознесенской губ., жалуются очень на секретаря Укома:

> «Наш секретарь Укома тов. Восканов с момента своего появления и по сих пор проявляет активно свой бюрократизм как-то вызывает к себе на квартиру уборщицу, посылает ее в аптеку, приходя из дома, посылает истопника Укома к себе домой: «Скажи, чтоб ставили самовар», пешком и пяти шагов не сделает, все на извозчике. И еще, и еще, и еще».

Какой же это бюрократизм? Да еще активный? Это пустяки, легкая простуда, от которой избавиться можно в два счета—одна чайная ложка К. К.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА.

Действительно бывают в жизни такие тяжелые вопросы, над которыми долго приходится башку ломать. Вот, например, в Ельниках, Пензенской губернии:

> «Правление кооператива ведает торговлей по лавке, а ревизионная комиссия кооператива в базарные дни ходит по базару и усердно собирает деньги за места. Председатель ревизионной комиссии говорит: «Разве мы доверим сбор денег за места правлению? Наше это дело».

Возможно и их дело, в особенности, если у ревизионной комиссии больше никаких дел и нет. Но в общем дело это темное. Хорошо бы выбрать ревизионную комиссию над ревизионной комиссией...

ВОТ КАК НАДО РАБОТАТЬ.

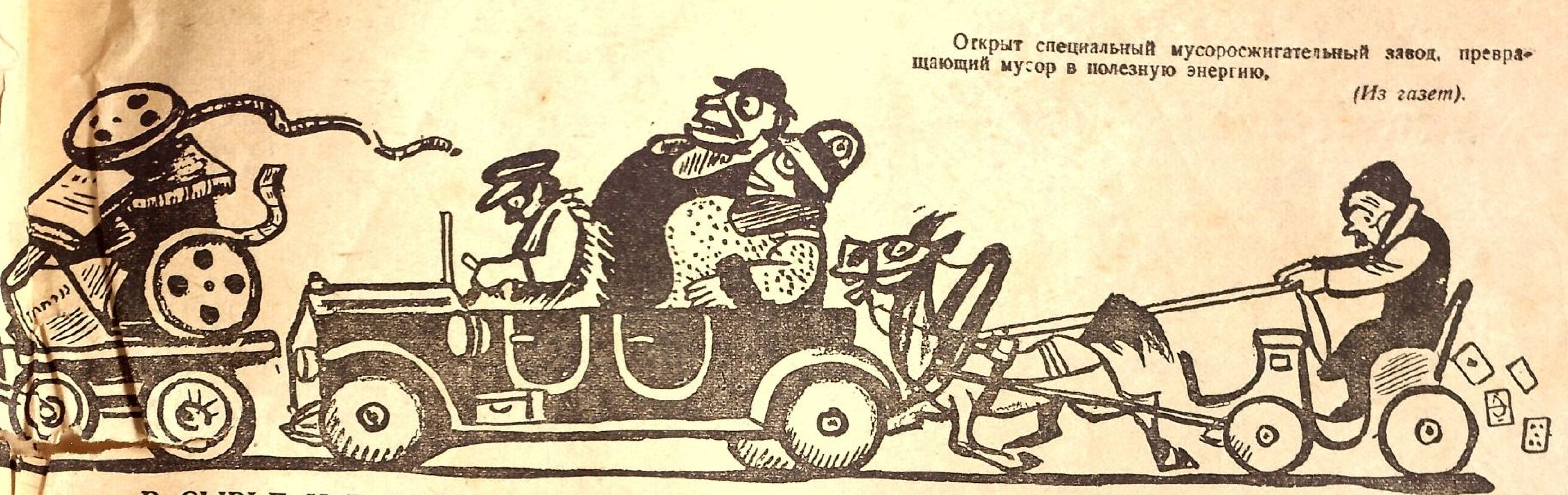
Учитесь, кооператоры СССР, как надо работать:

> В Лысковском обществе потребителей, Нижегор. губ., в магазинах ящики для жалоб прикреплены в таких местах, что к ним подобраться нельзя (или над бочками с керосином, или за ящиками с товаром). Правление гордится, что за все время не поступило ни одной жалобы.

Если бы кооперативные деньги береглись так, как лысковцы берегут ящики для жалоб, то растраты бы исчезли бесследно с кооперативного лица.

Открыт специальный мусоросжигательный завод, превращающий мусор в полезную энергию.

(Из газет).

В СЫРЬЕ И В КОТОРОМ РАБОЧИЕ ДОЛЖНЫ БЫ РАБОТАТЬ В ЧЕТЫРЕ СМЕНЫ.

НЕУВЯЗКА.

Граждане деревни Бошарово, Иваново-Вознесенской губ., обижаются на свою волмилицию.

«Прислала нам волмилиция бумажку, где просит собрать с граждан нашей деревни двадцать рублей. А на что и за что, не сказано. Товарищ «Крокодил», по советским законам разве так можно?».

По советскому закону, конечно, нельзя. А вот по законам волмилиции, выходит, можно. Вот и неизвестно, чья возьмет.

СОБАЧИЙ ДРУГ.

В Макарьевском доме заключения, Ив.-Возн. губ., устроили баню для заключенных. Когда ²/₃ заключенных помылись, явилась жена начальника с своими двумя собаками, и заключенные принуждены были уступить им место.

Сидят теперь макарьевские заключенные и мечтают. Э-эх, пожить бы нам по-собачьи! Прямо не жизнь, а рай. А все-таки хороший из управляющего исправдомом собачий начальник вышел бы в губернском и даже областном масштабе.

НИ ХОЛОДНО, НИ ЖАРКО.

На архангельской горконференции общества «Друг Детей» председатель правления и завгубоно тов. Тысячный заявил: «За истекший оргпериод проделано немного; что-ж, ругайте нас: ведь нам, все равно, ни тепло. ни холодно».

Хоть вы и Тысячный, а не лучше того Иванова Седьмого, о котором у Чехова что-то сказано!

СПЕЦОДЕЖДА.

В декабре 1925 года у председателя Коопцентра в Москве тов. Громова пропала кепка. Взамен ее была куплена каракулевая шапка в 33 руб. за счет кооператива. Громов получает 225 рублей жалованья.

Ну, что-ж. Дело обычное. На кооперативных председателях очень часто шапки горят.

ХЛЕБНАЯ СЛУЖБА.

Кому живется весело, вольготно на Руси, так это, наверное, сотрудникам правления «Хлебопродукта».

Из отчета Хлебопродукта видно, что за 1924/25 г. израсходовано на улучшение быта служащих 460.573 рубл., из которых пришлось:

На само правление (594 ч.)—381.134 р., т. е. по 641 руб. 64 к. на сотрудника.

На служащих провинциальных контор— по 5 руб. на сотрудника.

И на мельничных рабочих по 3 рубля 60 коп.

Ну, как тут не воскликнуть: «Все—в Авиахим!». Почему в Авиахим? А как же—он с вредителями борется, в том числе и с хлебными.

КУДА ШАПКУ ОДЕВАТЬ?

Заводоуправление стеклозавода «им. 9-го января», в гор. В. Волочке, выдало такую спецодежду на 8 человек сторожей: одну пару неимоверных размеров валенок, одну рваную теплую шапку, брезентовый плащ, просвечивающий, как решето, и одну пару рукавиц.

Как же это так — одну шапку на восемь голов? Впрочем, заводоуправление судит, очевидно, по себе. Ему одну шапку, и ту не на что одевать.

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ОДИН МИГ.

Культотдел Сев.-Кавк. Крайправления союза Всеработземлес направил Чеченскому окротделению союза 350 букварей и написал по этому поводу в циркуляре: «Буквари необходимо раздать на руки под расписку неграмотным батракам — бесплатно...» и т. д.

Пока-что у нас, очевидно, даже в культотделах кое-где неграмотность еще не ликвидирована.

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНИКА.

В селе Кучинске, Юрьев. уезда, Ив.-Возн. губ., второй раз грабят фабком льняной мануфактуры. В первый раз в феврале 1925 года воры сломали три замка и забрали денег 245 руб., а сейчас все замки целы, а у председателя фабкома Данилевича нехватает 256 руб.

Это старо очень; замки ломать, шум делать— неприятности разные. В наш век радио и электричества и замки целы, и касса цела, и даже председатель цел. Денег только, правда, нет, но это ж пустяки! А на что членские взносы существуют?

ЗАБОТЛИВЫЕ.

Вот какой вопль докатился до «Крокодила» из Бравиловских сахзаводов сахтреста Подолии:

«До сих пор бьемся без врача. Больница без призора. Больные приходят в больницу сотнями, а только один фельдшер. Нет медикаментов. Стационарные койки есть, но больных не принимают за отсутствием питания».

За такие хорошие дела с удовольствием берем на вилы сахтрест и администрацию Бравиловского сахзавода. Теперь испытают на своих собственных боках, как плохо без врача и медикаментов.

КОРЕНЬ УЧЕНИЯ ГОРЕК.

Мария Ивановна Карасева из Вязников жалуется нам:

Послала я по об'явлению в ленинградское издательство «Прибой» деньги за книги по бухгалтерии. «Прибой» деньги взял, книг не высылает и упорно молчит.

Эх, Мария Ивановна! Не знаете вы русской поговорки: «На то и «Прибой» в Ленинграде, чтобы Карасевы в Вязниках не дремали!»

«СТЕПНАЯ ПРАВДА» ЛИ?

Нам пишут:

«В славгородской окружной газете «Степная Правда» от 26/II—1926 года в тезисах к международному женскому дню написано: «Международный женский день впервые праздновался в 1910 году в г. Копенгагене (Германия)».

За примерную и похвальную точность «Крокодил» преподносит редакции «Степной Правды» адрес — Копенгаген, столица Дании и в ближайшее время вряд ли будет завоеван Германией.

ПО ОСОБОМУ ЧЕРТЕЖУ.

Фабкому фабрики «Таболка», в Вышнем Волочке, потребовался шкаф для «дел». Делать так делать не только «дела», но и шкаф. Заказали технику специальный чертеж, по которому:

Пять рабочих четыре дня делали шкаф и три рабочих три дня отделывали. За материал и работу заплатили 85 рублей, тогда как в готовом виде такой же шкаф можно было купить рублей за тридцать. А когда шкаф привезли в фабком, он оказался непригодным и его отправили в переделку.

В таких случаях, конечно, надо отделывать не шкаф, а фабком. И если после тщательной отделки (например, на общем собрании) он все-таки окажется непригодным, его нужно отправить. Не в переделку, конечно, а просто так, в первобытное состояние.

ОБРОС СОБАКОЙ.

В отдел ГПУ при станции Казань поступило от ответственного работника Донова такое заявление:

У меня пропал щенок, самец, породы сеттер-лаверак. Приметы: белый с черным мелким крапом, на спине у хвоста черное пятно в виде восьмерки, нос беловатый, концы ушей достают ноздри. Кличка «Джек». Убедительная просьба к товарищам принять меры к обнаружению собаки.

С товарищеским и коммунистическим приветом. **Донов.**

ГПУ отправило это заявление в контрольную комиссию, которая, надеемся, и найдет, где тут зарыта собака.

СИРОТЫ.

Сообщают:

«Секретарь партколлектива Ульяновского госсахзавода, Сирота, на общих собраниях рабочих, когда кто-либо задает ему какой-либо вопрос, кричит: «Мы к таким будем принимать соответствующие меры».

Не обижайтесь на него, товарищи. Простите Сироту — некому за ним приглядеть: ни батьки, ни матки... ни даже Укома.

Рис. К. Е.

У МАНИКЮРШИ.

ТРЕСТОВИК: — Каждую неделю делаю маникюр а все говорят, что я на руку не чист!

ОПЕКА.

Член парт'ячейки Петров, он же ответственный работник с «нагрузкой», получил выписку из протокола бюро ячейки:

— Выделить для работы в ячейке ВЛКСМ товарища Петрова.

Член парт'ячейки Петров покачал своей ответственной, с нагрузкой головой и молвил досадливо:

— Назначили... выделили... несерьёзная публика у нас в бюро... Не могли поумнее для меня работишку придумать... Ну, что я буду с этими бузотерами делать?.. Ну, что я... Впрочем — партдисциплина. Выделили — подчиняюсь. Ничего не попишешь... Буду опекать бузотеров!

«Опека» началась.

— Товарищ Петров, можно к вам?

— Гм... гм... ко мне ведь без доклада... гм... а вы кто, собственно, будете?

— Секретарь ячейки Веелкаэсем.

— Вот... началось! — простонало внутри у Петрова. Но в силу партдисциплины он омолодил приветливой улыбкой свое ответственное лицо и обратился к вошедшему:

— Я вас слушаю, товарищ Веелкаэсем.

— Видите ли, товарищ Петров, мне хотелось бы с вами, как со старшим товарищем-партийцем, выде....

— Др-р-р! — прозвенел настольный автомат.

— Аллё? — пропел баском в трубку товарищ Петров, — есть, слушаю, еду...

— И...

— Сами видите, товарищ! — развел товарищ Петров руки ижицей вниз, окунулся в шубу, подхватил грузный свой портфель и хлопнул дверью, которая «без доклада» — баррикада.

— Товарищ Петров. разрешите к вам...

— Гм... без докла.... гм... вам что, собственно, товарищ, угодно?.. Вы сами, товарищ, собственно...

— Я—редактор стенгазеты «Стычка», орган ячейки Веелкаэсем!

— Я вас слушаю, товарищ!

— ...Наша стенгазета ко дню 1 мая выходит специальным номером... по согласованию с бюро ячейки Веелкаэсем...

— Покороче, товарищ!..

— Товарищ Петров, нам нужна ваша передовица о дне Первого мая.

Петров нахмурился и, вобрав руки в карманы, вытянул свои ответственные ноги:

— Не могу-с... наотрез!

— Почему же?

— Перегружен-с... тремя солидными газетами перегружен-с, срочнейший заказ на важнейшие для республики темы «к вопросу о...». Никак, товарищ, не могу-с...

— Др-р-р.

— Аллё! Я вас слушаю!

— Товарищ Петров... семнадцатого, в субботу, ячейка ВЛКСМ устраивает вечер смычки с подшефным ячейке пионер-отрядом и октябрятами... У нас нет докладчика... Не можете ли вы, товарищ Петров, выступить с кратким словом о зна....

— Не могу, товарищи... категорически не могу-с... Я-с, товарищи, взрослый человек и ни в какие детства, товарищи, впадать не желаю-с, да-с...

— Др-р-р...

— Товарищ Петров! Комсомольская ячейка просит вас принять участие в экскурсии. Ваше присутствие не столько обязательно, сколько желательно, ибо в вашем присутствии...

— Товарищи, извиняюсь, потому что не могу быть, и отказываюсь, потому что занят. И притом, товарищи (ответственный работник Петров поднял свой ответственно-указательный палец), экскурсия — та же прогулка. Прогулка — тот же прогул... Принципиально возражаю. Категорически отказываюсь... Извиняюсь...

... Член парт'ячейки Петров, он же ответственный работник «с нагрузками», получил выписку из протокола бюро ячейки:

«Выступить на парт'ячейке с докладом о работе ячейки ВЛКСМ».

Товарищ Петров выступил, он выступил, как выступает река из берегов; тема его расширилась до истории возникновения комсомола, как такового. Товарищ Петров провел свою речь через все хронологические этапы комсомола, которые были у него мелким почерком записаны на специальных листках.

— Молодая гвардия на смену старой гвардии!—закончил товарищ Петров.— Все внимание комсомолу—продолжателю октябрьских достижений! Все внимание молодой революционной гвардии!

И когда товарищ Петров кончил свою прочувствованную речь, вся ячейка, вопреки строгому своему обычаю, ему аплодировала. И в рядах говорили:

— Хорошо сказано, крепко!

— Товарищ-то Петров за словом-то в карман не полезет!

— Товарищ-то Петров...

Л. Митницкий.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция «Крокодила», стремясь к улучшению содержания журнала, обращается с просьбой ко всем читателям помочь ей в этом деле. Просим ответить по возможности полно на нижеперечисленные вопросы и прислать ответ по адресу:

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 3.—«КРОКОДИЛУ».

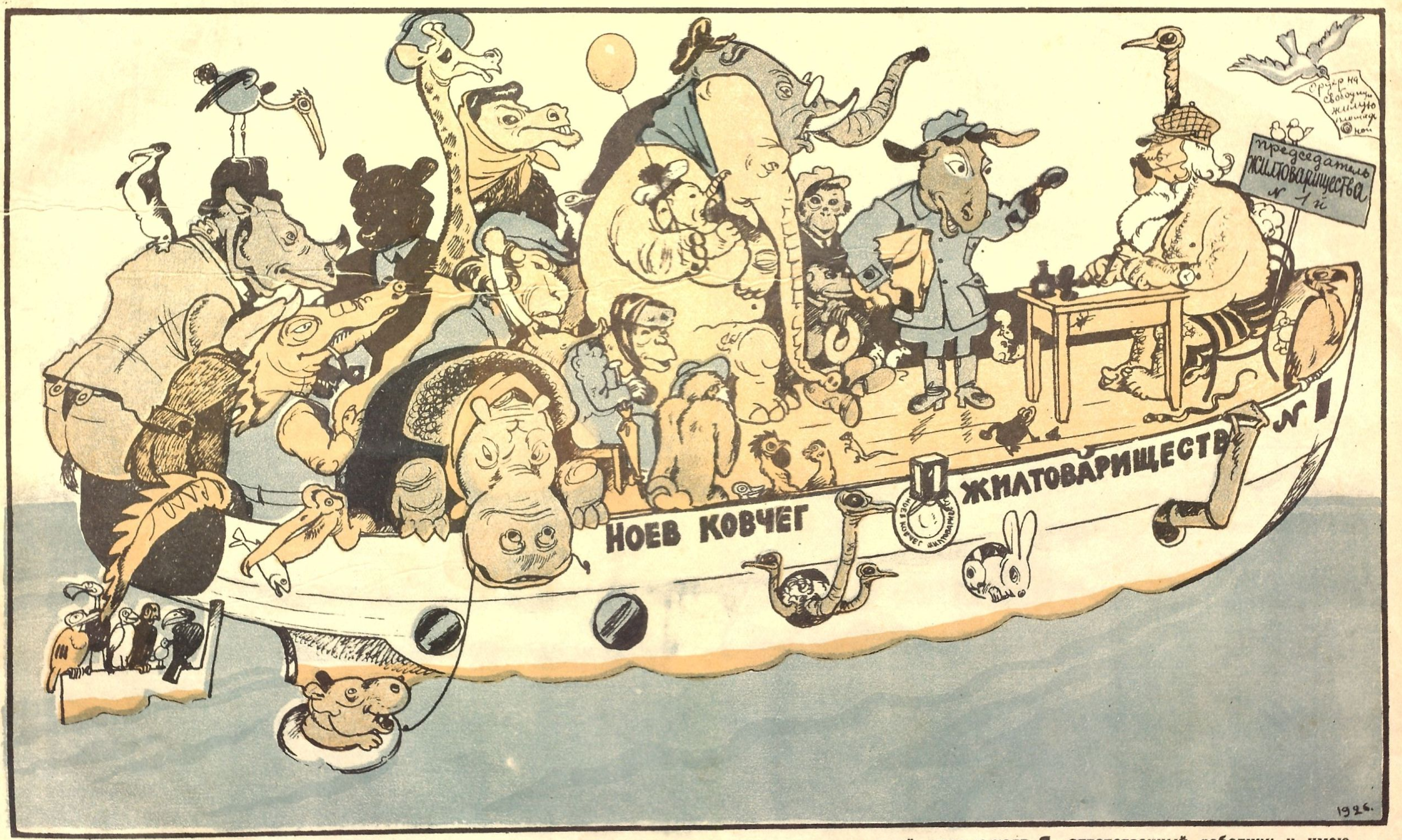
1. Какой рисунок вам в этом номере больше всего нравится? 2. Почему именно? 3. Какой рисунок в этом номере больше всего не нравится? 4. Почему именно? 5. Какого вы мнения об остальных рисунках? 6. Укажите, какие надписи к рисункам в этом номере непонятны. 7. Какой рассказ, стихотворение, фельетон в этом номере больше всего вам понравился? 8. Почему именно? 9. Какой рассказ, стихотворение, фельетон вам не нравится? 10. Почему именно? 11. Нравится ли вам в этом номере «Вилы в бок»? 12. Если нет, то укажите недостатки. 13. Над кем и над чем «Крокодил» должен смеяться, по вашему мнению? 14. Какие недостатки вы находите вообще в «Крокодиле»: а) в содержании рисунков, б) в технике? 15. Что вам нравится вообще в «Крокодиле»?

СВЕДЕНИЯ.

1. Пол (мужчина, женщина). 2. Рабочий, крестьянин, служащий, учащийся. 3. Сколько вам лет? 4. Образование: низшее, среднее, высшее. 5. Партийный, беспартийный, комсомолец. 6. Губерния. 7. Сколько времени вы читаете «Крокодил»?

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОГО В МИРЕ ЖИЛИЩНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Рис. К. Ротова.

ОСЕЛ:—Товарищ Ной! Я категорически протестую против попыток лишить меня дополнительной жилплощади. Я—ответственный работник и имею дюжину удостоверений!

ВЕСНОЙ.

Рис. К. Елисеева.

Весной и старики не отстают от молодежи.

КАЛЕЙДОСКОП.

Учреждение было, как учреждение. И в комнате — в меру пыльной, в меру темноватой — по списку инвентаря числилось:

Столов канцелярских	2
Стол письменный	1
Стульев	4
Барьер деревянный	1
Портретов вождей	2
Диаграмм	2
Ламп электрических	2
Лампа настольная	1

Все это в описываемый момент дополняли:

Зав	1
Посетитель	1

Посетитель, только что вошедший, вгляделся в зава, покачал головой со всей приятностью, на какую был способен, спросил:

— Не будете ли вы любезны... Когда я смогу увидеть товарища Тяпчева?

— Тяпчев у нас не работает.

— Да, да, да... Стало-быть, вы изволите на их месте?

— Теперь я заведующий адморгподом.

— И давно изволили от товарища Тяпчева дела принять?

— От Тяпчева я ничего не принимал. После Тяпчева здесь Липач сидел. Как-только Тяпчева мобилизовали, товарищ Липач принял дела.

— Вот оно что... С товарища Липача, значит, спрашивали?..

— Кто? Я? Ничего подобного. Липач, когда уходил, передал Смаракову из губотдела. Передал и поехал проводить на местах. Липач.

— Этого, виноват, не знаю. Вашего, то-есть, предшественника—Смаракова.

— Какой он мне предшественник? Он Гнездюку предшественник, а не мне.

— А Гнездюк, простите за беспокойство, куда?

— Делся? Переброшен на работу. Еле успел бумаги в порядок привести.

— Ишь ты... Вам, воображаю, тяжело пришлось—с еле приведенными-то бумагами...

— А мне что? Это Вырвич разбирался,—он ведь после Гнездюка.

— Однако... Вырвич, значит, тоже переброшен?

— Откомандирован в распоряжение.

— А после него вы или еще кто?

— Конечно, нет. После Вырвича—Ерошков. Отправлен для усиления. Затем—Фурсиков. Уехал в ВУЗ. Акацанов—перешел на производство. Долбоносов—как несоответствующий. Бибер—ушел на хозработу. А затем уж я... Да вы почему меня все расспрашиваете?

— Я, изволите ли видеть, ежемесячно из уезда привожу ведомости и копии протоколов. Приходится, так сказать, в контакте. Больше и ничего... Извольте получить: три ведомостички, четыре правленских протокола, два президиумских.

— Гм... Знаете... зайдите-ка лучше завтра,—делопроизводительница будет, она и примет. А я от технической работы...

— И, батенька! Да я вас научу, куда их класть и что делать... Я, бывало, и товарищу Тяпчеву показывал, и до Тяпчева товарищ Оголенкова позадержалась—ее учил. Да еще до Оголенковой трех завов... Вон в том столике папка: протоколы, стало-быть, в нее. А ведомостички...

— А расписываться мне надо где-нибудь?

— А как же? В получении—раз. В этой ведомости—два. И вот тут—три... Ничего, ничего... может, недельки две еще в этой должности побудете,—оно и попривыкните маленько... Теперь тут вот распишитесь...

В. Ардов.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА.

Вне очереди проходят обыкновенно или люди без руки, или люди с рукой.

**

Даже безграмотный человек с удовольствием ставит кресты в ведомости на жалование.

**

Подчиненный должен быть глупее своего начальника уже по одному тому, что он подчиненный.

ОБЫВАТЕЛИ.

Комсомолец и рабфаковец Григорий Постников делил всех жителей своего города на два лагеря: «обыватели» и «свои ребята».

«Свои ребята» это были — Мишка Гринблат, Валька Косова и еще два-три комсомольца. Остальные пять тысяч с лишним жители — «навоз», «мразь», «обыватели».

Ходил Григорий по улицам города, как в недоброе старое время купчиха по своей собственной кухне — гулко сморкался, очень громко говорил и толкался, толкался, толкался. Казалось в тот момент, что все жители города срочно превратились в тени, а живой только один Григорий Постников, в кепке на затылке, в длинных сапогах и кожаной тужурке.

В случае, ежели замечали: «Товарищ, не толкайтесь, осторожней!» — Гриша, прищурив глаза, бросал на жертву уничтожающий взгляд и орал:

— Во-первых, для всякой беспартийной бражки я не товарищ. Это раз! И оскорблять себя не позволю! Во-вторых, помалкивай, помалкивай, а то ты у меня живо прогремишь на другой полюс...

Обыватели шарахались. Обыватели его боялись. Одни из них рассуждали так: «что-ж поделаешь, их власть».

Другие — «свяжись с ним, а он про тебя какую-нибудь пакость в газете напишет. Что ему стоит?».

Были и такие, которые все его оскорбления принимали, как милую шуточку, заискивали, улыбались.

Хуже всех доставалось от него преподавателям рабфака. Когда какой-нибудь преподаватель, экзаменуя его, говорил, в конце концов: «Плохо, товарищ Постников. Очень плохо» — Григорий, вспылив, перебивал:

— Ну, ну, прошу без нравоучений! Не забывайте, где вы и что вы! Это вам не гимназия!..

Да что преподаватели. Его же товарищи — комсомольцы перед ним трепетали. Еще бы — Григорий член бюро ячейки, зав, агитпропа, член предметной комиссии, редактор стенгазеты, в учраспреде... Его знают в губкоме. С ним считаются в губкомоле.

На общих собраниях комсомола впечатление было такое, что говорит только один Постников, а остальные только слушают. Очень часто можно было его видеть, как стоит он на трибуне и грызет кусок черного хлеба. При этом он всегда говорил: «Потерпи троху, ребята сичас начну — с утра еще не шамал»...

И только с одной Валей Косовой он был мягок, нежен и искренен. Часто, сидя в отдаленном углу парка «Кленники», он читал ей свои стихи:

К тебе, незабвенная Валя,
К твоей революционно-пламенной душе,
К твоим губкам трепетно-алым
Стремлюсь на яву и во сне.

После этих строк Валя обыкновенно глубоко вздыхала, глядела таинственно ввысь и спрашивала:

— Гриша, а когда ты мне, наконец, перепишешь песню: «Налей бокал, в нем нет вина»?

— Перепишу как-нибудь, обязательно перепишу. Все некогда — заседания, комиссии...

— Ух, эти противные заседания, как они мне надоели!..—Но зато, как приятно бывало в том же парке, когда месяца голубой башлык трепыхался в верхушках деревьев, сидеть на скамеечке с Гришей и мечтать, мечтать, мечтать...

— Погоди, Валя, вот кончу рабфак. Вырвусь из этого болота. Поедем в Москву. В университет. А там через четыре годика, гляди, я врач... Ты в бархатном платье и высоких ботинках... У нас квартирка.

— А телефон? Непременно, чтоб телефон.

— И телефон, и ванная, и все, и все удобства... Ну, конечно, само собой разумеется, и прислуга будет...

— А я чем буду заниматься?

— Ты? Исключительно по хозяйству. Одеваться там, в театр ходить, мало ли что? Я вообще люблю, когда женщина женщиной, а не так себе...

И от этих слов у Вали глаза делались влажными, потел кончик носа и дрожали ноздри. Она ласково перебирала Гришины волосы и шептала:

— Хороший мой, кумсумольчик мой. Умненький у меня. Все понимает...

Б. Левин.

Рис. Ив. Малютина.

Пролетарская диктатура вовсе не в том, чтобы грубо обращаться со всеми, которые не являются членами ВКП и ВЛКСМ.
(Из речи т. Бухарина на VII с'езде РЛКСМ).

— Товарищ, зачем же вы женщину толкаете?
— Во-первых, я вам не товарищ! А во-вторых, это не женщина, а обывательница.

Рис. К. Елисеева.

СЕМЕЙНАЯ КРЕПОСТЬ.

Во многих учреждениях до сих пор процветают родство, кумовство и „семейная“ атмосфера.

Говорят, что советская власть разрушает семью, но иногда и семья пытается разрушить советскую власть.

Издательство „Рабочей Газеты“ Москва, Охотный, 7. Редактор Н. И. Смирнов.

Главлит № 56588. Типография „Рабочей Газеты“, Москва, Сушевский Камер-Коллежский вал, дом 63. Тираж 175.000.